

УДК 94(3)

С. С. Казаров

ГОНГ ИЗ ДОДОНЫ

В Додоне, где находился один из древнейших оракулов Древней Греции, использовались различные методы прорицания. Одним из них было использование гонга в форме бронзовых котлов. Использование бронзы было неслучайным: она являлась символом чистоты и играла важную роль в очищающих ритуалах. Первоначально территория святилища не имела стен, а была окружена кольцом треножников с висевшими на них котлами. Издаваемые ими звуки выдавались за вещание самого бога Зевса. Возможно, что звук гонга служил также своего рода защитой от злых сил, являясь щитом Зевса. Эта традиция сохранилась и в средние века, когда котел был заменен колоколом. Несмотря на скептицизм ряда иссле-

дователей, наличие подобных котлов и треног подтверждается результатами археологических раскопок, проводившихся в Додоне. В настоящее время остатки этих котлов и треног хранятся в Национальном Музее Афин. Само устройство гонга, как можно заключить из источников, было усовершенствовано, о чем свидетельствует дар жителей острова Керкиры. Со временем непрерывно раздающийся звук додонского гонга вошел у древних греков в поговорку. Древние греки прорицание в Додоне с помощью звука выражали двумя фразами: додонская бронза и керкирская плеть.

Ключевые слова: святилище, Додона, гонг, треножник, бич, прорицание.

S. S. Kazarov

THE GONG OF DODONA

In Dodona, where one of the most ancient oracles of ancient Greece was located, various methods of divination were used. One of them was the use of gong in the form of bronze boilers. The use of bronze was not accidental: it was a symbol of purity and played an important role in purifying rituals. Originally the sanctuary had no walls, but was surrounded by a ring of tripods with boilers hanging on them. The sounds they emitted were treated as the message of Zeus himself. It is possible that the sound of the gong served also as a kind of protection against evil forces, being a shield of Zeus. This tradition was preserved in the Middle Ages, when the boiler was replaced with a bell. Despite the skepticism of a number of researchers, the

presence of such boilers and a tripod is confirmed by the results of archaeological excavations conducted in Dodon. Currently, the remains of these boilers and a tripod are stored in the National Museum of Athens. The gong device itself, as can be concluded from sources, has been improved, as evidenced by the gift of Corfu inhabitants. Over time, the permanent sound of the Dodong gong came from the ancient Greeks in the proverb. The ancient Greek prophecy in Dodon, with the help of sound, was expressed in two phrases: the bronze of Dodona and the whip of Kerkyra.

Key words: sanctuary, Dodona, gong, tripod, scourge, divination.

Святилище Зевса в Додоне с находящимся здесь оракулом по праву заслужило славу древнейшего прорицалища в Древней Греции. Известная нам символика Додонского оракула весьма разнообразна: это священный дуб, бронзовые котлы, священные голуби, и, наконец, бьющий из-под корней священного дуба источник с ледяной водой. Не случайно известный российский антиковед В. В. Латышев назвал Додонское святилище «оракулом символов или знаков» [1, с. 178]. Из всех этих

символов (которые одновременно являлись и средствами прорицания) наименее изученным является гонг (под ним обычно понимается бронзовый котел), значению и функциям которого будет посвящена данная статья.

У древних греков к IV в. до н. э. болтливый человек обычно ассоциировался с додонским гонгом. Наиболее наглядно это отразилось в литературной традиции, особенно в комедиях. Можно согласиться с мнением С. Джонсон, что ситуация с письменными источниками здесь

запутана более, чем обычно, и наиболее подробно и обстоятельно здесь именно более поздние авторы [6, p. 66].

Так, Менандр (342–291 г. до н. э.) в одной из своих комедий, сравнивая болтовню некой кормилицы с непрерывно звучащим звуком додонского гонга, писал, что остановить звучащий гонг с помощью пальца гораздо легче, чем остановить язык этой персоны, который может работать все ночь (Men. Arryph. = Steph. Byz. s.v. Dodona).

Подобную трактовку мы находим в одном из выражений поэта Александрийской школы Каллимаха (310–240 г. до н. э.), который, по его словам, однажды «был разбужен эхом бронзы из Додоны» (Steph. Byz. s.v. Dodona).

Элий Аристид (II в. н. э.) в своем энкомии, посвященном четырем выдающимся государственным деятелям Афин, на этот счет добавляет: «когда становится необходимым нападать на своих оппонентов и поносить их, противников сравнивают с додонским гонгом» (Arist. 309). И в более поздние времена, в конце V в. софист Прокопий (450–513 г.) писал: «мы становимся подлинным гонгом из Додоны» (Procop. ep. 99, p. 269). Сюда же можно добавить содержащуюся в сборнике анекдотов из издания Крамера весьма показательную фразу анонимного грамматика: «ваша болтовня заглушает гонг из Додоны» (Cram. An. 3, 225).

Но наиболее важным нам представляется пассаж из Страбона, в котором, объясняя выражение «додонский бронзовый котел», автор дает описание вотивного дара жителей Керкиры – держащей бич человеческой фигуры. Сам бич был тройной в виде цепочки со свисающими вниз наконечниками, которые во время колебания ветра ударяли о сосуд, тем самым производя протяжные звуки. Отсюда же, по его словам, произошло выражение «бич керкирян» (Strab. VII. Frg. 4).

Одним словом, это выражение сохранялось в течение тысячелетия. Несмотря на сведения, представленные античными авторами, его существование ставилось современными историками под сомнение. И причиной тому была необычность и экзотичность его описания [10, s. 53]. Однако благодаря археологическим исследованиям, проводившимся греческими археологами Д. Эвангелидесом и С. Дакарисом с середины XX века на территории Додоны, и обнаружившим фрагменты этих котлов и треног, их существование стало очевидным. По словам С. Дакариса, многочисленные фрагменты железных и бронзовых треножников, которые были здесь обнаружены, датируются

VIII в. до н. э., что позволяет сделать вывод о том, что святилище начало функционировать не позднее этого времени [4, p. 13; см. также: 3, p. 57–58].

Идентичные находки обнаруживаются и в других частях Греции. Так, подобную картину мы наблюдаем на золотом кольце из Микен, датируемого XV в. до н. э. с изображением храма на лицевой стороне. Мы видим здесь Великую богиню, сидящую под священным деревом, а три жрицы (подобно числу голубок на монетах из Эпира) подносят ей цветы. Сверху изображено небо с солнцем и луной, ниже от которых следует фигура с копьем. Головы львов, расположенные по окружности, по-видимому, служат, подобно треножникам в Додоне, защитой святилища [4, p. 14].

По словам греческого археолога Янниса Милонопулоса, додонский треножник занял выдающееся положение в археологической дискуссии относительно святилища Зевса в «качестве предполагаемого компонента псевдо-архитектурного оформления раннего культового места» [7, s. 189].

И это ставит перед нами вопрос о внешнем виде упомянутого гонга и его функциях. Особенно запутанным представляется вопрос о форме додонского гонга.

В Древней Греции было два выражения, обозначающих форму прорицания с помощью звука: *Dodonaion xalkeion* и *Kerkuraion mastiks* (в переводе с древнегреч. – «Додонская медь» и «Керкирский бич» – С. К.). Каждому из выражений в соответствии с формой прорицания придавалось свое особое значение [8, p. 139]. Имеющаяся в нашем распоряжении историческая традиция указывает на то, что первоначально святилище Зевса в Додоне, не имея стен, было окружено треножниками и котлами, которые настолько тесно примыкали друг к другу, что в случае удара по одному из них вибрация эхом охватывала и все остальные. Это описание относят к аттическому автору Демону, жившему примерно в конце IV в. до н. э. (к сожалению, никакими подробностями биографии или трудах этого автора мы не располагаем). Человек, вступая на священную территорию Зевса, неизбежно касался находящегося слева или справа от входа гонга-котла, при этом раздавался звук, который приводил к раскачиванию других котлов, производя затем целую гармонию подобных звуков. Используя современное выражение, срабатывал некий принцип домино.

Что вкладывали античные авторы в понятие *Dodonaion xalkeion* – взгроможденный на

колонну гонг или серию треног? Наличие гонга мы можем проследить до окончания II в. н. э. (сведения Аристида), начало же описания относится к IV в. до н. э. (описание Аристотеля). Однако эта версия опровергается сообщением Менандра о том, что звучащий весь день гонг мог остановить любой прохожий с помощью пальца. К гонгу, взгроможденному на высокую колонну, едва ли можно было дотянуться с земли и руками остановить его звучание [2, р. 13]. Интерпретация фрагмента Каллимаха также позволяет понять, что речь идет о треноге, стоящей на земле, нежели о котле, находящимся на верхушке колонны. Наконец, более поздний автор, Климент Александрийский (II в. н. э.), нарочито разграничивает *Dodonaion xalkeion* от *Iebeta Thesproteion* – «додонскую бронзу» от «феспротского котла» (Clem. Al. *protr.* 11). Все эти приведенные в соответствие данные позволяют нам прийти к кажущемуся нам вполне обоснованному предположению, что первоначально *Dodonaion xalkeion* представлял из себя ряд резонирующих треножников, расположенных кольцом вокруг священной территории, а со временем, после IV в. до н. э., когда святилище было обнесено стенами, треноги были заменены искусно сооруженной конструкцией, состоящей из человеческой фигуры с бичом, помещенным на две расположенные рядом одна с другой колонны. Именно появление этой новой конструкции могло привести к рождению нового выражения, которое мы находим у Страбона: «Керкирский бич» («*Kercurian mastiks*»). При этом не может не возникнуть вопрос: зачем эту конструкцию нужно было взгромождать на эти колонны? Ответ на первый взгляд кажется очевидным: во-первых, труднодоступность должна была уберечь его от возможных повреждений, а во-вторых, звук находящегося на возвышенности гонга был слышим на более далеком расстоянии. Но к вышесказанному А. Б. Кук добавляет ещё один важный штрих: человек или даже какая-то статуя, поднятая на высоту (в данном случае на колонну) и оторванная от земли, приближала его к божествам и придавала ей ореол некой святости. Так, на острове Кри (Юго-Запад Новой Гвинеи) злых духов умиротворяли посредством гонгов, подвешенных на перекладине между двух столбов, а боевые гонги Маори подвешивали на брус, лежащий на двух подпорках, в который ударял сидевший на лесах человек. Но наиболее близкий и характерный пример – храм в Гиерополе, где на пропилеи храма, высотой в тридцать локтей, поднимался человек, проводя там непрерыв-

ные семидневные бдения, сопровождавшиеся молитвами и ударами в гонг [2, р. 27].

В принципе, подобная ситуация, когда в ранние времена территория святилища не имела стен, которые заменяли расставленные по окружности многочисленные вотивные посвященные Зевсу треножники, не кажется нам невозможной. Как справедливо заметил Ф. Ванденберг, для обычного человека мелодичный звук додонских котлов был гораздо понятнее, чем шелест дуба и вызывал больше доверия [10, s. 55].

Использование бронзовых котлов в Додоне в качестве средства прорицания неизбежно ставит перед нами вопрос о порядке и времени их использования. Речь идет о том, использовались ли они наряду с другими средствами прорицания (шелестом священного дуба, полетом додонских голубей) или же на каком-то из этапов истории оракула. Вопрос является дискуссионным и единой точки зрения здесь пока не достигнуто.

С. Дакарис, долгое время возглавлявший археологические раскопки в Додоне, считает, что жрецы делали свои предсказания в соответствии со звуками, издаваемые от ударов в котел [4, р. 14].

Приблизительно с середины IV в. до н. э. территория святилища с опоясывающим его ранее кольцом треножников было окружено каменными стенами, которые четко очертили священную территорию с небольшим храмом и священным дубом, вход на которую располагался на южной стороне святилища. Бронзовые котлы были заменены на сложную конструкцию, якобы являющуюся подарком, преподнесенным жителями острова Керкиры Додонскому святилищу. Описание этой конструкции мы находим у малоизвестного автора Полемона из Илиона, посетившего Додону в начале II в. до н. э. и, таким образом, передавшего самую древнюю традицию (FHG. III. 124). Конструкция представляла из себя стоящего на вершине одной из колонн юноши, держащего в руке плеть с несколькими бронзовыми наконечниками, которые нависали над медным котлом, стоящим на вершине соседней колонны. Порывы ветра приводили в движение бронзовые наконечники, которые ударяли в стоящий рядом котел и таким образом чисто механически производили соответствующий звон. Отсюда же родилось известное в Греции высказывание: «ты говоришь, как керкирская плеть» [10, s. 55; 6, р. 66]. Фрагменты этой конструкции ныне хранятся в Национальном Музее Афин [4, р. 14]. Кстати, в том же Национальном Музее хранятся и упомянутые выше многочисленные остат-

ки додонских треножников, котлов и других предметов из бронзы [3, р. 58–59].

Но был ли производящий звук бронзовый котел один или их было несколько? Как сообщает Евстафий (Eustath. Comment. ad Hom. Od. XIV. 327), котлов было несколько и они располагались рядом друг с другом. Действительно, один котел едва ли мог бы издавать такой звук, который бы не только долго звучал, но и был слышим на достаточно удаленном расстоянии.

Довольно важным является вопрос о значении издаваемых бронзовым котлами звуков. По мнению американского исследователя Д. Никола, использование бронзовых котлов имело некий апотропический (в переводе с древнегреч. «отводящий порчу») смысл: производимый ими длительный звон должен был отводить всяческое зло от священной территории. Однако, по мнению ученого, это не исключает того, звуки звенящих котлов могли иметь и некоторое мантическое значение: они могли быть своеобразным подражанием грому, который часто слышался в этом регионе и мог идентифицироваться с озвучиванием воли великого Зевса [8, р. 140].

Идею об апотропическом смысле додонского гонга разделяют и некоторые другие зарубежные исследователи. По мнению же французского исследователя Г. Раше, звук, издаваемый от удара в бронзу, мог не только сойти за почитаемый здесь раскат грома, но и обладал ритуальным смыслом: он служил для изгнания злой силы. Именно поэтому различные церемонии в античную эпоху сопровождались звуками ударов о бронзу. Так, танец куретов и корибантов, сопровождавшийся ударами в щиты, считался апотропическим, отвлекая злые силы от младенца Зевса [2, р. 17]. Далекие отзвуки этих традиций нашли свое отражение в христианстве, что привело к установке колоколов в церквях [9, р. 97], ибо в средние века котел был заменен колоколом [2, р. 16].

При этом нельзя также игнорировать вопрос о том значении бронзы, которую она имела сначала в античную эпоху, а затем – и в Средние века. Бронза являлась символом чистоты и играла важную роль во всех очищающих ритуалах (Apolloed. Fragm. 36). Но здесь необходима одна оговорка: не бронза сама по себе, а именно удары в бронзу, которые происходили в двух особых случаях: во время похорон и во время затмения луны [2, р. 14]. Но не только.

Некоторые характерные примеры на сей счет можно почерпнуть и из мифологии: когда Геракл не мог додуматься, как выманить из своего убежища Стимфалийских птиц, богиня Афина дала ему изготовленные Гефестом бронзовые тре-

щотки. С помощью произведенного ими шума, он напугал птиц, заставив вылететь из укрытия, а затем перестрелял их из лука.

Подобный обычай – битья в бронзу – перешел от греков к римлянам: о том, что во время лунного затмения били в бронзу известно из текстов ряда римских авторов (Liv. XXVI. 5.9; Plin. Nat. hist. II.12; Plut. Aem.Paul. 17). Однако отцы раннехристианской церкви активно выступали против этой процедуры, и она сохранилась лишь до эпохи утверждения христианства.

Но почему именно удар в бронзу считался предохраняющим? Можно предположить, что металлический звон или ляг вселял страх или даже ужас в тех, для ушей которых он предназначался. Яркий тому пример – накануне сражений подобным образом, ударяя в щиты, воины стремились вызвать страх у противника. Что же касается самой бронзы, то она считалась особенно эффективной при отвращении зла, ибо это был металл был освящен для религиозных целей ещё с незапамятных времен: боги не любили новшеств и задержались в бронзовом веке надолго даже после того, как их почитатели вступили на более высокий уровень цивилизации [2, р. 25].

Приведенные выше примеры, явно свидетельствующие об апотропическом значении додонского гонга, на первый взгляд могут отрицать его другую важную функцию – пророческую. Но так ли это? Думается, что нет. Додонский гонг, первоначально выполнял предохранительную функцию, использовался и как средство пророчества. И убеждает нас в этом именно то значение звука, которое оно имело место в греческой мантике. Шелест листьев, журчанье родника, воркованье голубей – и сюда же в этот ряд удачно вписывается мелодичный звон бронзовых котлов.

Относительно функций и значения додонского гонга нетрадиционную точку зрения высказала греческая исследовательница из Университета Янины А. Гарциу-Татти. По её мнению, обнаружение бронзовых котлов на территории Додоны открывает новые перспективы интерпретации функций оракула. Как считает исследовательница, назначение котлов не могло ограничиваться исключительно их акустическими функциями (с чем мы, естественно, согласны), на что обычно указывают античные авторы и их более поздние схолиасты. Речь идет об используемой людьми посуде, которые использовали при помощи огня и для жертвоприношений, и для приготовления пищи. И здесь автор проводит параллели с религиозными обрядами сбрасывания жриц в кипяток,

которые были «частью ритуалов, относящихся к омоложению и бессмертию», точнее говоря, обрядов, которые характеризуют усилия человека к преодолению своей человеческой природы, преодолению смерти с целью сближения с миром бессмертных [5, p. 182]. На наш взгляд, мнение довольно необычное и требующее не только своего осмысления, но и поиска возможных аналогий в истории античности.

Подводя итоги рассматриваемой темы, отметим следующее. Гонг из Додоны, а точнее, додонские бронзовые котлы, в ряду других символов из древнейшего святилища Зевса

(священные голуби, родник-источник, священный дуб) занимал важное место. Он определенно имел апотропическое значение, отгоняя злых духов от священной территории, а также служил одним из средств выражения интерпретируемой жрецами божественной воли. Но что немаловажно отметить – наличие этого символа Додоны имеет «материальное выражение» в виде остатков бронзовых треножников, в значительном количестве обнаруженных на территории святилища, что однозначно указывает на реальность его существования.

Литература и источники

1. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. СПб: Тип. В. Безобразова и Комп., 1888. 355 с.
2. Cook A. B. The Gong of Dodona // Journal of Hellenic Studies. Vol. XXII. 1902. P. 5–28.
3. Curnov T. The oracles of the Ancient World. London, 2004. 189 p.
4. Dakaris S. Dodona. Athens, 1996. 48 p.
5. Gartziou-Tatti A. L'oracle de Dodone. Mythe et ritual // Kernos, 1990. P. 175–184.
6. Jonston S. I. Ancient Greek Divination. Oxford, 2008. 193 p.
7. Mylonopoulos J. Das Heiligtum des Zeus in Dodona // Archäologien und Ritual. Auf der Suche nach der Ritualen Handlung in den Antiken Kulturen Agyptens und Griechenlands / herausgegeben von Joannis Mylonopoulos – Hubert Roeder. Wien, 2006. S.185–214.
8. Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.
9. Raschet G. L'sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de l'Association Guillaume Bude, 1962. P. 86–99.
10. Wandenberg A. Das Geheimnis der Orakel. Munchen, 1979. 352 s.

References

1. Latyshev V. V. Oчерk grecheskich drevnostej (*Essay On Greek Antiquities*). Part.I. St.Petersburg: Bezobrazov and Co printing office, 1888. 355 p. (In Russian).
2. Cook A. B. The Gong of Dodona // Journal of Hellenic Studies. Vol. XXII. 1902. P. 5–28.
3. Curnov T. The oracles of the Ancient World. London, 2004. 189 p.
4. Dakaris S. Dodona. Athens, 1996. 48 p.
5. Gartziou-Tatti A. L'oracle de Dodone. Mythe et ritual // Kernos, 1990. P. 175–184.
6. Jonston S.I. Ancient Greek Divination. Oxford, 2008. 193 p.
7. Mylonopoulos J. Das Heiligtum des Zeus in Dodona // Archäologien und Ritual. Auf der Suche nach der Ritualen Handlung in den Antiken Kulturen Agyptens und Griechenlands / herausgegeben von Joannis Mylonopoulos – Hubert Roeder. Wien, 2006. S. 185–214.
8. Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.
9. Raschet G. L'sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de l'Association Guillaume Bude, 1962. P. 86–99.
10. Wandenberg A. Das Geheimnis der Orakel. Munchen, 1979. 352 s.